

история/география/этнография

Геннадий Левицкий

Великое княжество Литовское

Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Геннадий Левицкий

Великое княжество Литовское

«Автор»

2014

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4)

Левицкий Г. М.

Великое княжество Литовское / Г. М. Левицкий — «Автор»,
2014 — (История. География. Этнография)

ISBN 978-5-91678-238-7

В середине XIII века на землях нынешних Литвы и Беларуси возникло Великое княжество Литовское, которое, понемногу увеличиваясь княжеством в размерах, заняло обширную территорию от Балтийского до Черного моря. На протяжении трех веков оно было главным соперником Русского государства в борьбе за господство в Восточной Европе. Великое княжество Литовское испытало все новые европейские веяния: Возрождение, Реформацию, цеховое производство, Магдебургское право. На его землях была реализована давняя мечта христиан: уния католичества и православия, а потом и само оно мирно объединилось с Польшей в единое государство — Речь Посполитую, основой существования которой было уникальное явление — шляхетская демократия. Но то, что с высот нашего времени кажется несомненным достоинством, обернулось для Речи Посполитой гибелью: вольности шляхты привели к ослаблению государственной власти и потере управления страной. Этим воспользовались соседи Речи Посполитой и растащили ее на куски. К 1815 году вся территория Великого княжества Литовского вошла в состав Российской империи...

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-91678-238-7

© Левицкий Г. М., 2014

© Автор, 2014

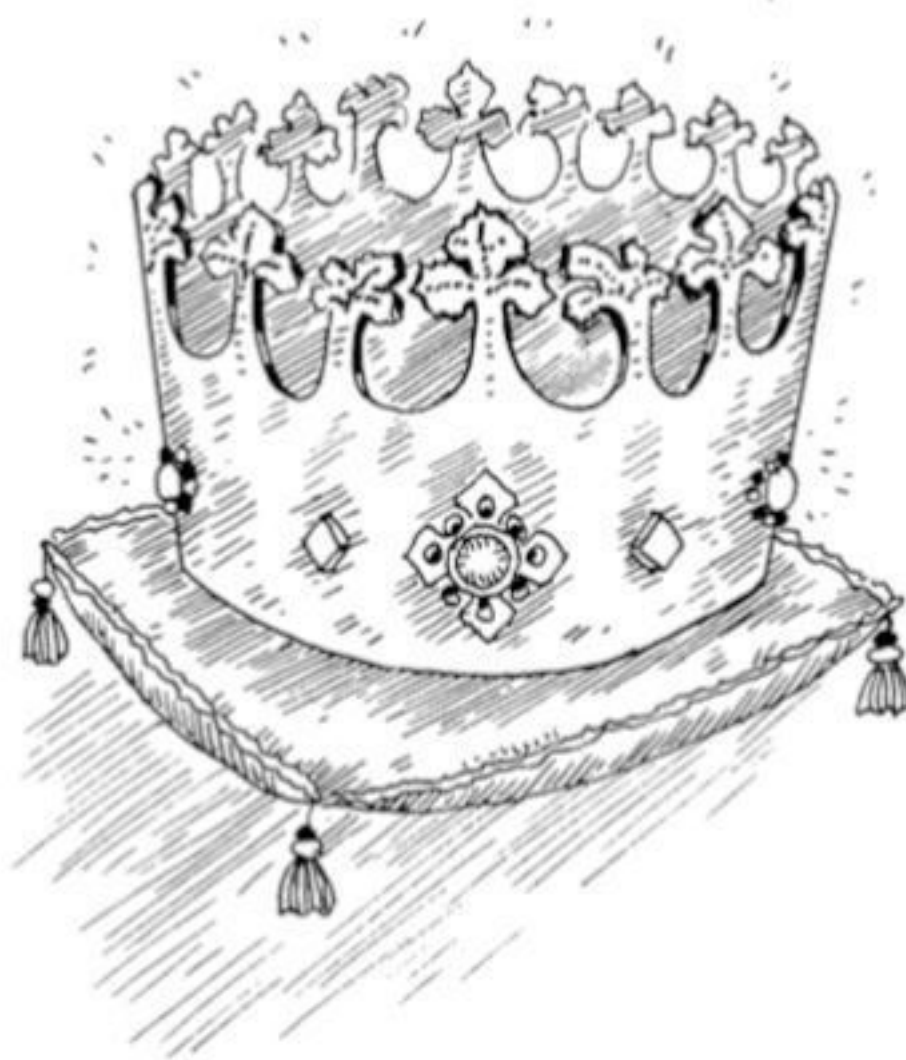
Содержание

Введение	6
Римские корни Великого княжества Литовского?	10
Местонахождение летописной Литвы. Взаимоотношения Литвы и Западных земель Руси до середины XIII века	15
Включение западных земель Руси (территория современной Беларуси) в состав Великого княжества Литовского (XIII – XIV века)	19
1. Появление литовских князей в Новгородской земле	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Геннадий Левицкий

Великое княжество Литовское

Введение

Великое княжество Литовское, государство славян и балтов, – крупнейшее территориальное объединение Европы XIV – XVI веков, по своим размерам вполне можно сравнить с империями Карла Великого и Чингисхана. Но у нее есть одно существенное отличие от них – образование Великого княжества Литовского не стоило многих потоков крови, и потому, возможно, о нем почти не вспоминают.

Как ни прискорбно, историю пишут огонь и меч. Нам более известен завоеватель Александр Македонский, чем Солон с его мудрыми законами; нам ближе далекий Рим с его Пуническими войнами и восстанием Спартака, чем Великое княжество Литовское с подканцлером Львом Сапегой и его самым прогрессивным в Европе Статутом 1588 года.

Многим моментам в жизни Великого княжества Литовского летописцы совершенно напрасно не придали должного значения, и мы вслед за ними смутно представляем это государство; лишь его нелепая кончина прослеживается великолепно и известна каждому. В один момент внешнее воздействие прервало его эволюционное развитие. Впрочем, государство, избравшее неповторимый путь, осталось верным своей исключительности даже в последнем часе. Погибло оно также необычно – без кровопролитной войны, штурмов и разрушений городов... Почему так случилось? Значит, строилось государство, далекое от идеала? Парадоксально звучит сегодня, но именно свобода и забота о гражданах погубили Великое княжество Литовское. Граждане вообразили, что государство и его глава существуют исключительно для удовлетворения их насущных потребностей и капризов. Все принялись заботиться о собственных правах и позабыли об обязанностях. Но когда гражданин волнуется только за свою малую родину – обнесенную им же построенной стеной, большой родине приходится плохо.

Образование Великого княжества Литовского на основе собирания прежде всего западнорусских земель растянулось на полтора столетия. Начало этого процесса падает на годы правления Миндовга (ок. 1235 – 1263), конец – на совместное правление Ольгерда и Кейстута (1345 – 1382).

Великое княжество Литовское возникло на землях бывшей Киевской Руси – западных и южных; почти одновременно Москва на востоке также приступила к собиранию русских земель. Как пишет С. М. Соловьев, «и между ними история... постановила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие». В этой книге нашли отражение самые яркие, интересные и трагичные моменты борьбы между русскими землями, оказавшимися по разные стороны границы.

Два русских государства, Великое княжество Литовское и Московское княжество, избрали свои пути развития – неповторимые, непохожие. Лишь одна заветная цель объединяла их, одно желание не покидало их на протяжении столетий – желание завоевать, поглотить друг друга. Трагическое противостояние и жестокая борьба двух частей народа, разделенного волей обстоятельств, продолжались ровно столько, сколько параллельно существовали Великое княжество Литовское и Московское государство.

История Великого княжества Литовского – это история виртуозного лавирования державы, окруженной со всех сторон мощнейшими врагами, это мастерство выживания в безнадежных ситуациях. Западнорусское государство решало стоящие перед ним проблемы такими путями, что и днем сегодняшним кажутся невероятными. Чего стоят Люблинская уния 1569 года, объединившая Великое княжество Литовское и Польшу мирным путем в одно государство – Речь Посполитую, или Брестская уния 1596 года, провозгласившая соединение двух христианских конфессий на территории Великого княжества Литовского – православия и католичества!

Русские источники не дают возможность восстановить полную картину образования Великого княжества Литовского. Частые войны безжалостно уничтожали книжную мудрость. Во время нашествия Тохтамыша в церкви Москвы снесли книги со всех окрестностей. В некоторых храмах их было уложено от пола до самых стропил. Все погибло в огне. А те немногие, что имеются, объявляются фальсифицированными, как только их сведения не удовлетворяют того или иного исследователя.

В христианских странах все самое ценное касательно книжной мудрости хранилось в монашеских обителях. Недаром западноевропейские монастыри обладали крупнейшими библиотеками, до сих пор в их суровых стенах открывают уникальные исторические документы.

На западнорусских землях религиозное переплетение было невероятным (и даже главенствующая религия часто менялась): православие, католицизм, униатство, а еще кальвинизм, протестантизм... Надо отдать должное, известный религиозный плюрализм всегда имел здесь место, однако новое вероисповедание к наследству книжному от прежнего хозяина относилось,

мягко говоря, без должного уважения. Опять же, бесконечные войны... огни пожаров уничтожали города и деревни, храмы и монастыри.

Что касается немногочисленных белорусско-литовских источников, то в целом и они не отличаются достоверностью и насыщенностью фактами при описании интересующего нас периода. В «Хронике Быховца», «Хронике Литовской и Жмойтской», «Летописи археологического общества» и т. п. более или менее подробно освещаются события в Литве начиная с 1250 года, да и то использовать эти факты следует только в сравнении с другими историческими документами. В этих, так называемых белорусско-литовских, летописях часто реальные исторические лица путаются с мифологическими, особенно в начальный период истории Литвы. Что касается западнорусских земель, и самой крупной из них, Полоцкой, то в упомянутых летописях сведений о них с конца XII века и до начала XIV века почти не содержится.

Несколько восполняют пробел в русском летописании немецкие хронисты. Например, в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского довольно подробно излагаются взаимоотношения в первых десятилетиях XIII века полоцких вассальных княжеств Герцике и Кукенойса с обосновавшимися в Прибалтике крестоносцами. Из этой же хроники можно почерпнуть некоторые сведения по истории Полоцкой земли, рассмотреть ее связи с прибалтийскими племенами, и, в частности, с литовцами.

Немецкие источники более располагают к доверию как незаинтересованная сторона в изучаемом вопросе. В них можно даже найти описание событий, позорящих деяния крестоносцев или подающих их поступки в невыгодном свете.

Огромное значение в связи со скудностью белорусско-литовских летописей и хроник имеет «Ипатьевская летопись», принадлежащая перу летописца Юго-Западной Руси. В ней излагаются события, происходившие в основном в Галицко-Волынской Руси XIII века, но так как Новгородская, Берестейская земли и Турово-Пинское княжество находились в определенное время в той или иной степени зависимости от галицко-волыньских князей, то в летописи содержится богатый фактический материал по истории западнорусских княжеств.

Немало сведений содержится в польском источнике «Великой хронике». Польский источник дает материал для изучения начальной истории Литовского государства, его взаимоотношений с Польшей и Русью.

В советской и постсоветской историографии существует немало работ по исследуемой теме. Почти в каждой из них выдвигаются смелые гипотезы, которые, к сожалению, часто не соответствуют фактам.

Несомненно, в истории Великого княжества Литовского многие вопросы ждут исследователей, многое нужно пересмотреть, но подходить к этому следует осторожно. Отбрасывать теории дореволюционных историков следует, лишь доказав их несостоятельность. Они близки к источникам, глубоко исследуют вопросы. Если они описывают какое-либо событие, то не просто передают факт, содержащийся в летописи, а сравнивают его со сведениями других источников, берут во взаимосвязи с другими событиями того времени и лишь после этого высказывают свое отношение к предмету исследования.

Богатый материал по политической истории Литвы содержится в труде П. Д. Брянцева «История Литовского государства». Хотя заметим, что автор зачастую стремился преувеличить русское влияние в Литве.

Вероятнее всего, самым полным исследованием вплоть до настоящего времени по истории Полоцкого княжества является работа В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия».

Взаимоотношения Литвы с Русью, начиная с самых первых контактов, подробно описываются в поистине великой и по объему, и по количеству используемых источников, и по исследованию огромного промежутка времени работе С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

Из работ советских историков особо хочется отметить «Образование Литовского государства» В. Т. Пашуто. В ней автор дает в развитии экономические и политические процессы, приведшие к образованию Великого княжества Литовского, анализирует социально-экономические сдвиги литовского общества в годы правления первых великих князей: Миндовга, Войшелка, Шварна, Тройденя. Нашла отражение в работе В. Т. Пашуто и борьба литовцев совместно с Русью и прибалтийскими народами с крестовой агрессией в Восточной Прибалтике.

Весьма важны исследования И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды» и «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв.». Огромное количество использованных автором источников при написании книг (в первой работе свыше четырехсот ссылок) не избавило И. Б. Грекова от ошибок и неточностей. Виною тому одностороннее использование автором источников. Так, ссылаясь на Троицкую летопись, И. Б. Греков пишет: «Уже первая половина жизни Ольгерда, проведенная им в Полоцке (до 1345 г. он был женат на полоцкой княгине Марии Ярославовне)...» Однако, согласно остальным летописям и хроникам, Ольгерд никогда не был в Полоцке, а его первая жена Мария Ярославовна была единственной дочерью не полоцкого князя, а витебского.

Для работ И. Б. Грекова характерно вольное обращение с фактами. В другом месте «Восточной Европы...» он отнес к Черной Руси почти всю территорию современной Беларуси: «...Тесные контакты Литвы с Черной Русью – Новогрудком, Слонимом, Волковыском, Полоцком, Минском, Берестьем и т. д.». Но согласно картографическому материалу, только три первых города относились к Черной Руси.

Не отличается изяществом и стиль изложения И. Б. Грекова. При описании средневековых войн и межкняжеских столкновений автор пользуется терминологией времен Второй мировой войны. Вряд ли уместно для событий 1382 года такое выражение: «Назначение князя Литовской Руси на пост командующего московским гарнизоном...» В его работах почти на каждой странице встречаются такие слова, как: «по-видимому», «видимо», «возможно», «вероятно» и т. д., а за ними кроются не подтвержденные фактами догадки автора, фантазия его ума.

Истории Полоцкой земли в основном посвящена работа М. Ермоловича «Старажытная Беларусь» («Древняя Беларусь»). Она довольно подробно в хронологической последовательности освещает историю белорусских земель до включения их в состав Великого княжества Литовского. Материал богат историческими фактами, взятыми из источников. Однако М. Ермолович настойчиво проводит линию возвеличивания Полоцка периода феодальной раздробленности в политическом и военном отношении, вопреки фактам, которые сам же и приводит.

Вышеперечисленные научные труды использовались мною в основном при описании начального периода Великого княжества Литовского – самого процесса его возникновения. С последующими годами легче – сохранились различные документы: грамоты великих князей, привилеи королей, договорные грамоты, дневники сеймов, письма, рапорты, высочайшие рескрипты, мемуары и т. д. Счет использованных в книге документов идет на многие десятки, и нет надобности комментировать каждый. Все они вместе – материалы далекой эпохи – создают неповторимый колорит и словно приближают ее к нам.

Римские корни Великого княжества Литовского?

Миф и реальность – на первый взгляд категории несовместимые. Однако в каждом мифе присутствует доля его антагонизма, и важно лишь извлечь крупницы правды.

Иногда миф при более пристальном рассмотрении становится вполне осязаемой реальностью. Так было с историей о том, как Архимед сжег римский флот с помощью зеркал. Долгое время она отвергалась, как вымысел, но французский естествоиспытатель Ж. Бюффон и греческий инженер И. Сакас экспериментально подтвердили, что подобное вполне возможно. Первый сфокусировал отраженные зеркалами солнечные лучи в одной точке и зажег дерево с расстояния 50 метров; второй с помощью солнечных «зайчиков» сжег лодку. Впрочем, речь пойдет о другом мифе...

В «Хронике Литовской и Жмойтской» и «Хронике Быховца» есть рассказ о том, как во времена Нерона (37 – 68) «повинный» римского императора Палемон «с жоною и детьми своима и подданными», которых было пятьсот человек, «зо всеми скарбами», взяв с собой астронома, бежали из Рима.

В поисках нового места для жизни они достигли Балтийского моря, затем вошли в устье Немана и, плывя вверх по течению, достигли реки Дубиссы. Место римлянам понравилось: «...равнины большие и дубравы роскошные, изобилующие всяческого рода зверями, то есть, прежде всего, турами, зубрами, лосями, оленями, сернами, рысями, куницами, лисицами, белками, горностаями и прочими различными породами, и здесь же в реках масса необычных рыб» («Хроника Быховца»).

Здесь римляне «поселились и начали размножаться», а называли они место пристанища «Жемайтйской землей». Один внук Палемона – Гимбут – правил Жемайтией; второй же – Кернус – перебрался за Вилию. «И назвал тот Кернус берег на своем итальянском языке по-латински, Литус, где люди размножаются, а трубы, на которых играли, – туба, и назвал тех людей по-своему, по-латински, соединив берег с трубою, – Листубаня. А простые люди не умели говорить по-латински и начали называться просто Литвою, и с того времени начало называться государство Литовским и увеличиваться со стороны Жемайтии» («Хроника Быховца»).

Прежде всего возникает вопрос: существовал ли действительно Палемон? У Светония в биографии Нерона читаем: «Расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды. Даже из Британии он подумывал вывести войска и не сделал это лишь из стыда показаться завистником отцовской славы. Только Понтийское царство с согласия Полемона, да Альпийское после смерти Коттия он обратил в провинции».

Итак, имя вполне реальное. Правда, он был царем Понта, которого Нерон заставил сложить свою власть. Что ж, у Полемона были основания опасаться за свою жизнь... Былые возможности вместе с тем позволяли осуществить грандиозный переезд в далекую Прибалтику.

С Полемоном бежало, как мы помним, пятьсот римлян. Тоже ничего удивительного. Нерон прослыл жестоким и развратным тираном. Его жертвами явились многие выдающиеся люди, ближайшие родственники и даже собственная мать. Изощренный изверг, он заставил сражаться в гладиаторских битвах даже «четыреста сенаторов и шестьсот всадников, многих – с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев и служителей на арене» (Светоний). Римлянам ничего не оставалось, как бежать от такого деспота. И чем дальше, тем лучше.

Новый вопрос: подозревали ли римляне о существовании тех мест, куда бежали от гнева Нерона?

Оказывается, край балтов был хорошо знаком в античном мире. Известность ему принесла окаменевшая смола, именуемая янтарем.

Сведения из Энциклопедического словаря: «Еще в 16 в. до н. э. янтарь был завезен торговцами из прибалтийских регионов в Вавилонию, а также в области микенской и италийской культуры. Центром торговли янтарем являлась Аквилея... Янтарь использовался, прежде всего, для изготовления украшений, а также мелких декоративных и бытовых изделий. У древних греков янтарь вызывал особый интерес своей способностью электризации. Еще Аристотель, а вслед за ним Теофраст и Плиний Старший предполагали, что образование янтаря связано со смолой хвойных деревьев».

Устье Немана, куда вошли корабли Палемона, было не таким далеким от Рима, как может показаться на первый взгляд. Римская провинция Германия, образованная в 16 году н. э., являлась близкой соседкой балтов. То есть римляне знали эти места и, несомненно, бывали здесь гостями. Существовал даже так называемый «янтарный путь»: от побережья Балтийского моря до Аквилеи в Северной Италии.

О балтах упоминает римский историк Публий Корнелий Тацит (ок. 55 – ок. 120) в произведении, написанном в 98 году. В «Германии» Тацита древние балты именуются эстиями:

«Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык – ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов. Меч у них – редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях; единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом. Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену. Однако нетрудно понять, что это – древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество».

Чем не благодатный край для жизни римских беглецов?! Как видим, эстии успешно занимались земледелием, а также собирательством янтаря, весьма ценимого в античном мире. Поскольку вооружение местных племен оставляло желать лучшего, римляне Палемона могли весьма неплохо устроиться на новом месте.

Согласно летописям, римляне высадились «зо всеми скарбами». И самое интересное, что археологи нашли эти самые «скарбы». Два клада были открыты в Жемайтии, где высадился легендарный Палемон (М. М. Михельбертас «Два клада римских провинциальных монет из Западной Литвы»). Обнаружены римские монеты и в Восточной Литве – в районе Кернаве, куда направился внук Палемона Кернус.

Весьма любопытен в этом отношении археологический материал. Некоторые предметы вооружения литовских племен (мечи, наконечники стрел и копий, удила от лошадиной сбруи) настолько идентичны римским, что кажется, их создала рука одного мастера.

Римские мечи, датированные первыми веками н. э., в Прибалтике довольно распространенная находка, при том, что подобного рода артефакты для последующих столетий крайне редки. М. Мандель в статье «Меч в вооружении эстонских племен до VII века» приходит к следующему выводу:

«Меч оставался в V – VII вв. дорогим и редким импортным оружием. Существенной роли в военном деле это оружие еще играть не могло». Два меча, различной сохранности, найдены в XIX веке вблизи эстонского городища Алулинн. «Более целый меч по форме близок вариантам римской *gladii*, распространенным на территории Германии. Длина последних обычно

60 – 65 см (самый короткий экземпляр 47,5 см), ширина клинка 4 – 4,5 см. Датируются такие мечи I – II вв. В Швеции мечей этого типа найдено не менее 6. Три финских *gladii*... ввезены из Центральной Европы и датируются II в. или рубежом II – III вв. Примерно так, по всей вероятности, надо датировать и меч из Алулинна».

Археологи говорят, что найденный в Эстонии римский меч «по форме» близок к найденным на территории Германии, но не идентичен. Возможно, он попал на территорию Прибалтики не из Центральной Европы; с той же долей вероятности можно предположить, что центр производства римских мечей находился гораздо ближе.

Еще один интересный момент можно отметить, опираясь на выводы археологов: в начале I тысячелетия на территории Литвы произошла настоящая революция в производстве и обработке железа; как будто кто-то в одночасье извне принес новые технологии.

Ученый И. Станкус изучил свыше 558 железных изделий из разных археологических эпох и написал статью: «Исследование производства железа и кузнечного дела в Литве».

Вполне вероятно, что до нашей эры на территории Литвы вообще не производилось собственное железо. «Балтские племена на территории Литвы (как и Латвии) с железными орудиями труда и украшениями познакомились в раннем железном веке (VI – I вв. до н. э.), – описывает ситуацию археолог. – Но так как найдено очень незначительное количество железных изделий данного периода, притом почти полностью разрушенных коррозией, то металлографически они не исследованы. Пока трудно определить, изготавливались ли эти изделия местными мастерами из местного металла, или же они были импортные. Во всяком случае, соответствующего материала (остатков сыродутных печей, криц, шлаков), свидетельствующего о местном производстве железа, пока не найдено».

Но вот, согласно летописи, в Литве появляются римские эмигранты, и ситуация резко меняется: от импорта к собственному производству. «Изделиями из железа на территории Литвы широко стали пользоваться с начала н. э. Уже во II – IV вв. балтские племена употребляли в быту в основном железные орудия труда. Оружие также было железным. О местном производстве железа в это время свидетельствуют найденные остатки сыродутных печей, железная крица и шлаки».

Поражает не только многообразие производимых предметов. «Они (кузнецы) применяли разнообразные технологические операции – свободную ковку железа, стали и “пакетного” сырья, науглероживание (цементацию) поверхности изделий, сварку железа со сталью». Для повышения качества производимых изделий применялась термическая обработка.

В V – VIII веках производство железа увеличилось, но... притока новых технологий не было в течение нескольких столетий. «Металлографические исследования 180 железных изделий того времени показывают, что в изготовлении железных изделий коренных изменений не произошло. Кузнецы применяли почти те же технологические операции, что и во II – IV вв., – свободную ковку железа и стали, науглероживание изделий или заготовок, сварку железа со сталью».

В статье Р. Гравере «Роль прибалтийско-финского субстрата у латышей по данным одонтологии» рассматриваются некоторые вопросы этногенеза прибалтийских народов. Отмечается следующий момент: «Наиболее чистым комплексом средневропейского одонтологического типа на территории Восточной Прибалтики обладают северные и восточные литовцы». Создается впечатление, что литовцы являются пришельцами из других краев и в активные контакты с окружающими их племенами не вступали. Совсем иная картина с соседями литовцев; автор статьи приходит к выводу, что «роль прибалтийско-финского компонента в антропологическом составе латышей следует расценивать как весьма значительную».

Можно объявить сфальсифицированными белорусско-литовские летописи, объявить фантастическими сведения, которые они сообщают, но польскому хронисту Яну Длугошу нет никакого смысла возвеличивать литовцев до прямых наследников римлян. Тем не менее совре-

менник крушения Тевтонского ордена, ссылаясь на не дошедшие до нас свидетельства, сообщает:

«Утверждают, что во времена гражданских войн, которые разгорелись сначала между Марием и Суллой, а затем между Юлием Цезарем и Помпеем Великим и их преемниками, они оставили древние места своего жительства и отчую землю в уверенности, что вся Италия погибнет во взаимном истреблении. Вместе с женами, скотом и домочадцами литовцы пришли на обширные и пустынные пространства, доступные одним зверям, почти постоянно подверженные жгучим морозам и называемые у писателей “пущи”, в северную страну, которую они, по отчеству и древнему имени [Италия], назвали Литалией (ныне она, вследствие некоторого изменения, называется поляками и русскими Литва), племени же они дали имя литалов, добавив впереди одну только букву “л”, которую еще и ныне прибавляют итальянцы в своем народном языке. До принятия истинной веры они почитали те же самые святыни, тех же богов и справляли те же священные обряды и празднества, которые существовали у римлян, когда те были язычниками, а именно: священный огонь, который римлянами по суеверию поддерживался непрерывно, и в Риме почитали в нем Юпитера-громовержца девы- весталки, искупавшие свою небрежность, в случае угасания его, своей жизнью; также и леса, которые они считали священными и которых касаться железом признавалось у них нечестивым и гибельным, ибо всех, кто касался их железом и подымал на них руку, хитрый и лукавый сатана при Божьем попущении поражал в руку, глаз, ногу или иной член тела, чтобы удержать своих приверженцев в нечестивой вере, и якобы возвращал им целость, только когда его умилоstellяли сожжением целиком баранов и телят; также считалось, что в их лесах пребывает бог Сильван и прочие боги, по известному изречению поэта: “Также и в лесах обитали боги”; в змеях же и ужах римляне почитали бога Эскулапа, который в виде змеи привезен был в Рим на корабле из Греции, именно из Эпидавра, для прекращения сильно свирепствовавшей чумы.

В таких и подобных священнодействиях литовцы хотя и не воспроизводили в точности обряды римлян и итальянцев, но все же большей частью им подражали».

Хронист Тевтонского ордена Петр из Дусбурга неожиданно вспоминает о Риме при описании общего для балтийских народов святилища:

«Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком, проходя по пределам вышеупомянутых язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда. Хранил он также по древнему обычаю негасимый огонь».

Более того, оказывается, что «Рим» присутствует во многих почитаемых балтами местах. Исследователи полагают, «что корень “rom” в древнепрусском и литовском языках нес смысловое значение, указывающее на святость того или иного места. Кроме Ромова в Пруссии существует о. Ромене (Ромайн) в Литве, также почитавшийся священным местом, и гора Ромбинус около Раганиты». (Цитата из комментария к «Хронике» Петра из Дусбурга.) Негасимый огонь святилища балтов очень напоминает его аналог в храме римской богини Весты.

«Прусы редко приступали к какому-либо важному делу, — сообщает Петр из Дусбурга, — пока не узнавали, бросив по обычаю своему жребий, у богов своих, воспоследует ли им добро или зло». Точно так же поступали римляне.

Частью погребального обряда древних пруссов являлись конные состязания; у римлян — гладиаторские игры.

Римляне и литовцы почитали одно животное, благодаря которому была основана столица государства.

Ромула – легендарного основателя Рима – вскормила волчица. Гедимину приснился сон, что на горе стоит большой железный волк и ревет, будто в нем сто волков. По совету жреца литовский князь заложил на этом месте свою столицу. И теперь аналог Капитолийской волчицы – волк вместе с князем Гедимином стоит в центре Вильнюса.

Создание самого крупного территориального объединения в Европе – Великого княжества Литовского – не римский ли это размах? Опять же, политика великих князей Литовских: «Разделяй и властвуй!» – это едва ли не национальная черта римлян.

Древний Рим помнили и любили в Великом княжестве Литовском. Недаром подканцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега – создатель самого демократического свода законов Средневековья – упомянул в предисловии к Статуту Великого княжества Литовского слова выдающегося оратора и философа времен поздней Римской республики: «Как Цицерон говорил, мы являемся невольниками прав для того, чтобы пользоваться свободой могли».

Не такими уже нереальными и фантастическими видятся сведения о римлянах, доставленные нам белорусско-литовскими летописями. Кто знает, была ли в сердце основателей великого княжества капля римской крови, но что римляне бывали на территории Литвы в древности – несомненно. Римляне и предки литовцев знали друг о друге.

Наследницами великого Рима считали и по сей день считают себя многие державы. Так или иначе, соприкоснуться с самым могучим государством древности пытались многие. Соседняя с Великим княжеством Литовским держава выдвинула версию преемственности власти от Рима через Константинополь к Москве: «Москва – третий Рим». Что ж... У Великого княжества Литовского вариант родства с древним гигантом ничуть не худший.

Местонахождение летописной Литвы. Взаимоотношения Литвы и Западных земель Руси до середины XIII века

По версии М. Ермоловича, земли летописной Литвы находились отнюдь не в Прибалтике, а на территории Беларуси, окруженные со всех сторон славянскими племенами. Однако, если сравнить карту местонахождения древней Литвы М. Ермоловича («Па слядах аднаго міфа») и археологическую карту Беларуси того времени (А. В. Квятковская, «Каменные могильники белорусского Понеманья»), то увидим, что на месте размещенной М. Ермоловичем Литвы находятся дреговичские курганы и каменные могильники, характерные для целого ряда территорий Беларуси. Местоположение восточнолитовских курганов вполне совпадает с территорией современной Литвы. Есть они и в окрестностях Вильнюса, который, как утверждает М. Ермолович, был основан кривичами, и поэтому он якобы назывался Кривым городом. Название это вряд ли имеет отношение к племени кривичей. В Средние века Вильна состояла из трех замков: Верхнего, Нижнего и Кривого. В летописи Археологического общества строительство Вильны связывается с именем Гедимина, который «...послал по люди и заложил город один на Швинторозе Нижнии, а други на Кривой горе, которую ныне зовут Лысою, и наречет имя тым городом Вильня».

Кривой замок первый, и единственный, раз упоминается при описании нападения крестоносцев в 1390 году. Краткие летописные сведения сообщают, что большой деревянный замок на горе был сожжен дотла. Следовательно, нет оснований утверждать, что Вильно было основано кривичами и называлось Кривым городом. Кстати, П. Д. Брянцев, который, повторюсь, стремился в своей работе преувеличить русское влияние в Литве, писал: «На колонии последних (кривичей) в Литве особенно указывает название двух местечек: Криво и Кривичи». О Кривом же городе ни слова.

Основной довод в пользу того, что летописная Литва находилась на территории нынешней Беларуси, по М. Ермоловичу, – это наличие в ряде районов Беларуси топонима «Литва». Но все названные им населенные пункты возникли после включения этих земель в состав Великого княжества Литовского. Это, во-первых, и, во-вторых, если в Молодечненском районе имеется деревня Литва, то там есть и деревня Турец-Бояры, а это вовсе не означает, что здесь жила турецкая знать.

Вполне возможно, что балтские племена, в том числе и литовцы, в доисторические времена находились на территории нынешней Беларуси. Так считал и русский историк А. Кочубинский, на которого так часто ссылается М. Ермолович. В отличие от М. Ермоловича русский историк не ограничивал территорию доисторической Литвы отдельным регионом Беларуси. А. Кочубинский писал: «Строго говоря, в нашей гипотезе нет резко нового: она – лишь естественное, более расширенное понимание того мирного ассимиляционного процесса, который совершается и на наших глазах в этнографически литовских частях Виленской губернии, – процесса отступления литовской стихии по направлению к северу. На юге ассимиляция была для литовской стихии отрицательного характера, на севере же положительного; здесь латыш ассимилировал финский элемент, пока не вогнал его в самые волны Балтийского моря».

Однако ко времени образования раннефеодального государства на территории Беларуси не осталось ни материальных, ни летописных свидетельств, подтверждающих существование Литвы на территории, определенной М. Ермоловичем.

В пользу предположения, что территория древней Литвы находилась в Прибалтике, свидетельствует такой ранний летописный памятник, как «Повесть временных лет»: «...Литва,

Зимегола, Корсь, Сетьгола, Любь, Ляхове же и Пруси Чудь присесть к морю Варяжскому (Балтийскому) по сему же морю сесть».

Согласно одному из толкований этимологического словаря Макса Фасмера, слово «Литва» произошло от латинского *Litus* – «берег (моря)».

Многочисленные немецкие источники подтверждают, что Литва находилась в Прибалтике и граничила непосредственно с владениями крестоносцев. Литва же Ермоловича не могла иметь общих границ с немцами.

Рифмованная хроника описывает битву при Дурбе (1260 год):

Тогда литовцы возмутились,
Сердца их гневом распалились
За то, что братья дерзость возымели,
В их землях, не спросясь осели.

Естественно, братья-крестоносцы осели в Прибалтике на земле литовцев. Второй отрывок этого произведения также подчеркивает соседство Литвы с немецкими завоевателями:

Была готова скоро рать
Литовская, и воевать
Она отправилась Каршовен.
Там спешно ими был построен
Вблизи от братьев замок крепкий.

А вот цитата из «Ливонской хроники» Германа Вартберга: «...отняли у бюргеров пять замков, находившихся *в соседстве с литовскими землями*».

Следовательно, нет оснований утверждать, что «она (Литва) врезалась клином между Полоцкой, Турово-Пинской и Новгородской землями и вместе с ними являлась одной из исторических областей Беларуси» (М. Ермолович).

Неправомерно также рассматривать литовцев и жемайтийцев как два различных народа. Подтверждение их исторической и языковой общности нашло отражение в ответе великого князя Литовского Витовта германскому императору Сигизмунду в 1420 году. Ответ Витовта кончается таким обобщением: «Итак, по своему самосознанию и языку земля жемайтов, которая досталась нам в наследство и которой мы владеем ныне по закону наших дедов и отцов, теперь едина и всегда будет единой с землей Литвы, потому что у них одинаковое наречие и одни люди». «Земля жемайтов» означает «Нижняя земля». Жемайты, в свою очередь, называют Литву (Литванию) – Аукштайтией (Аукстоте), что обозначает ее положение в отношении земли жемайтов – «земля верхняя». При этом в Жемайтии (Самогитии) люди называют себя с древнейших времен литовцами и никогда не именуются жемайтами (жемайтас).

«Понятия “Литва”, “литовцы”, как охватывающие всю литовскую народность и населенную ею территорию, имели всеобщее употребление как в письменных памятниках – летописях, хрониках, так и в переписке великих князей Литовских. Например, Тройнат до смерти Миндовга во всех источниках известен как жемайтийский князь, и, по-видимому, он более всего был связан с Жемайтией. Однако источники его никогда не называют жемайтом, а лишь литовцем. Ливонская рифмованная хроника пишет о Тройнате: “Был другой могучий литовец, который втайне ему (то есть Миндовгу) завидовал”. И русская летопись эти факты изображает как внутренние события одного государства, одной народности: “Того же лета (в 1263 году) в Литве бысть мятежь, всташа сами на ся и убиша князя велика Миндовга” (История Литовской ССР. С древнейших времен до 1861 года. Под ред. Ю. Жюгды).

Исходя из вышеизложенного, летописную Литву следует все же оставить на территории нынешней Литвы, а христианизированные западнорусские земли очистить от языческого острова М. Ермоловича.

Исторически судьбы русских княжеств издавна переплетались с судьбами народов Восточной Прибалтики, и, в частности, с Литвой. О том говорят разнообразные источники, как летописные, так и археологические.

О прочных и постоянных торговых связях Литвы с Древней Русью свидетельствуют находки, полученные в результате раскопок курганов и населенных пунктов. С Руси в литовские земли привозились шиферные пряслица, различные бронзовые и серебряные изделия – витые плетеные браслеты, браслеты-наручи, подвески крестовидной формы, шейные гривны, сканные бусы, лунницы, зооморфные подвески и др. Из Руси доставлялись также стеклянные бусы, предметы христианского культа, киевские денежные гривны.

Через земли Руси и при ее посредничестве шла торговля со странами Ближнего Востока. Оттуда в Литву попадали арабские монеты, позолоченные, посеребренные и полихромные стеклянные бусы и раковины каури.

Если в период Киевской Руси военные отношения Литвы с Русью выражались в основном в походах киевских князей на литовские племена и их соседей, то в последующий для Руси период феодальной раздробленности характерно участие литовских дружин на стороне отдельных русских князей в их междоусобной борьбе.

Причины участия литовских дружин в походах западнорусских князей, в частности минских и полоцких, вызывают споры исследователей-историков. Вот как освещает взаимоотношения Руси и Литвы М. Ермолович в работе «Старажытная Беларусь»: «Не менее пристальное внимание заслуживает и то, что Всеслав Василькович под Друцк шел не только с полочанами, а что “с ними бяхуть и Лиць, и Литва”. Наличие в войске именно полоцкого князя ливов и литвы очень показательно. Как известно, финское племя ливов жило на самом побережье Балтийского моря. А это, бесспорно, означает, что Полоцк расширил свое политическое влияние на все Нижнее Подвинье, откуда и черпал дополнительную военную силу.

Не менее важен по своему значению и факт участия в походе литвы. Как показали события 1161 и 1167 гг., это племя использовалось Менском в борьбе с Полоцком. Однако в результате поражения Володаря Глебовича под Витебском в 1167 г. Минск, а вместе с ним и Литва постепенно опять подчиняются власти Полоцка, а это значит, что последний возвращает свои позиции в Верхнем Понеманье...» Полоцкие князья использовали литовские дружины в борьбе с соседями, но утверждать на этом основании, как это делает М. Ермолович, что «Литва подчиняется власти Полоцка», нет оснований. Ведь ни о каких других формах зависимости (например, регулярная выплата дани Литвой) ни в «Старажытной Беларусі» М. Ермоловича, ни в источниках фактов не приводится. Кроме того, летописец недоволен участием в междоусобной борьбе русских князей, как половцев, так и литовцев, называя их «погаными».

Скорее всего, литовцы использовались как наемники, принимавшие участие в грабеже одного русского княжества в составе войска другого. В этом качестве литовские дружины привлекались далеко не только западнорусскими князьями. Одно из первых упоминаний о литовских племенах в «Великой хронике» польской относится к 1230 году, когда они принимали участие в походе Конрада Мазовецкого на Сандомир: «Итак, Конрад, домогаясь владений племянника и считая свое изгнание позором, часто водил ятвягов, сковитов, пруссов, литвинов, жмудзинов, нанятых за деньги, на сандомирские земли своего племянника, (желая) их разорить... Во время (правления) этого Конрада по его призыву, о чем мы говорили выше, языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство. Ведь упомянутый Конрад по научению своей жены собрал большое богатство, из которого щедро наградил язычников, помогавших ему».

В той же польской хронике находится подтверждение тому, что отношения литовцев с Русью и Польшей на определенном этапе носили сходный характер. Несколько десятилетий спустя после описываемых событий, когда литовцы приступили к самостоятельным грабительским походам на Русь и захвату западнорусских территорий, читаем в хронике: «В том же (1260) году упомянутый Мендольф (Миндовг), собрав множество, до тридцати тысяч, сражающихся: своих пруссов, литовцев и других языческих народов, вторгся в Мазовецкую землю. Там прежде всего он разорил город Плоцк, а затем города и деревни всей Плоцкой земли жестоко опустошил мечом и пожаром, разбоями и грабежом».

Литовское войско использовали в междоусобной борьбе даже обосновавшиеся в Прибалтике немцы. Подобную ситуацию описывает П. Д. Брянцев: «Ливонский орден, как основанный рижским архиепископом, в начале своего существования был в зависимости от сего последнего, но потом, когда соединился с Тевтонским, сделался самостоятельным. В конце XIII ст. рыцари задумали было подчинить своей власти г. Ригу, но встретили протест со стороны архиепископа и магистрата, потому что город был в зависимости от них. Тогда рыцари порешили достигнуть своей цели силой оружия, и вследствие этого началась упорная борьба рыцарей с архиепископом и магистратом г. Риги. Но так как последние собственными силами не в состоянии были одолеть первых, то пригласили на помощь литовского князя Витеня».

Включение западных земель Руси (территория современной Беларуси) в состав Великого княжества Литовского (XIII – XIV века)

1. Появление литовских князей в Новгородской земле

Впервые в Ипатьевской летописи Новгородок упоминается под 1235 годом. Однако, как показали археологические исследования, древнерусский город существовал здесь раньше – в конце X века. Из-за отсутствия летописных известий о Новгородке историю города в какой-то мере следует восстановить по материалам археологических раскопок, которые, в частности, свидетельствуют о широких и прочных экономических связях Новгородка со многими регионами Европы и Азии.

Многочисленные находки свидетельствуют о тесном общении Новгородка с Прибалтикой. Уже в слоях конца X – XI веков в Новгородке встречаются единичные куски янтаря, возможно служившие амулетами.

В XII – XIII веках связи города с Прибалтикой и Северо-Западными землями сохраняются. Янтарь, оружие, некоторые виды украшений, сделанные на территории пруссов, литовцев, латгалов и куршей, занимают определенное место в новгородском импорте.

Пути, по которым можно было проникнуть в Новгородок из Прибалтики, в известной степени воссоздаются благодаря письменным свидетельствам, повествующим о военных походах. Согласно русским летописям, войска литовцев шли обычно в Новгородок через Вилию и Неман. Переправившись через Неман и одолев четыре мили к югу, они попадали в город. Это, кстати, еще одно свидетельство в пользу того, что летописная Литва находилась в Прибалтике, а не на территории, определенной М. Ермоловичем. Ведь если бы Литва «врезалась клином между Полоцкой, Турово-Пинской и Новгородской землями», как утверждает он, литовцам совершенно незачем было бы переходить Неман и тем более Вилию, чтобы попасть в Новгородок.

Под 1217 годом польский историк XVI века Мацей Стрыйковский приводит (ссылаясь на летописцев) описание похода литовского князя Эрдивила на Русь. Среди прочих городов он захватывает и Новгородок. Далее приводится титул Эрдивила: «Эрдивил Монтвилевич, наследник Жмудской и Литовской земли, первый великий князь русский Новогрудский».

Однако датировку установления власти Литвы над Новгородком нельзя считать достоверной, потому что, согласно Ипатьевской летописи, здесь сидел в 1235 году князь Изяслав: «...по том же лете Даниил возведе на Кондрата Литву Миндовга, Изяслава Новьгородского». В этом тексте Литва Миндовга и Изяслав Новгородский упоминаются как две независимые друг от друга политические силы.

Исходя из этого, следует относить распространение власти литовских князей на Новгородок ко времени правления Миндовга, то есть начиная с середины 30-х годов XIII века. Как Миндовг стал властителем Черной Руси, не известно, но в Ипатьевской летописи под 1252 годом говорится, что волынские князья напали на владения Миндовга: Новгородок, Волковыск, Слоним и Здитов.

М. Ермолович выдвинул свою версию появления Миндовга в Новгородке: Миндовг был изгнан из Литвы и бежал с боярами в соседний Новгородок. Там его приняли, «учитывая богатый опыт Миндовга как наемника, который преданно борется за интересы своих хозяев». Однако ни изгнание Миндовга из Литвы, ни принятие его новгородцами не подтверждаются документальными известиями.

Если проанализировать результаты археологических раскопок, то можно убедиться, что в XIII веке в Новгороде появился не только «беглый Миндовг», но шло массовое проникновение на Черную Русь балтского этнического элемента. Если курганные могильники вблизи Новогрудка: д. Селец (X – XI века), д. Мольниччи (XI век), д. Бротянка (X – XI века) принадлежат только дреговичам, то курганный могильник на западной окраине Новогрудка, известный под названием Батаровка, датируемый XII – XIII веками, принадлежит смешанному славяно-балтскому населению.

Численность балтских переселенцев в Черной Руси увеличивалась в связи с агрессией Тевтонского ордена. Сюда бежала уцелевшая после разгрома часть населения из Погезании и Бартии. Беглых пруссов расселял в Черной Руси и великий князь Литовский Тройден. Это, конечно, укрепляло власть литовских князей в Новгородской земле.

Итак, в середине XIII века в Черной Руси утвердился литовский князь Миндовг – личность в высшей степени примечательная. По крайней мере, вряд ли такой человек смог бы довольствоваться ролью «наемника, который преданно борется за интересы своих хозяев». Вот что писал о нем и его политике П. Д. Брянцев: «Рассматривая по летописным сказаниям деятельность Миндовга, мы видим, что этот человек был необыкновенной силы воли и характера. Он всю жизнь свою с неутомимой энергией и настойчивостью стремился к созданию прочного и сильного Литовского государства. Правда, при достижении этой цели он не разбирал средств: жестокость, хитрость и разного рода злодейства были законны в его глазах; там, где нельзя было взять откровенною силою, Миндовг сыпал золото, употреблял обман, ложь и убийство. Но только такого рода поступками он мог и удержаться в Черной Руси и образовать довольно сильное государство. Действуй Миндовг иначе – никогда бы ему не достигнуть своей цели среди тех обстоятельств, в которые он был поставлен».

Миндовгу пришлось вести длительную борьбу за обладание Черной Русью. Его основными противниками были галицко-волынские князья, имевшие также определенное влияние в Новгородской земле. Особого ожесточения эта борьба достигла в 1252 году, когда волынские князья захватили Черную Русь. Однако мудрая, а подчас коварная дипломатия Миндовга сумела разрушить коалицию враждебных государств и принудила волынских князей к миру, который от имени Литвы заключил (около 1253 года) Войшелк. Договор был скреплен браком Шварна Даниловича с дочерью Миндовга. По условиям мира Черная Русь осталась за Литвой: в ней правил Войшелк. Но затем князь Войшелк решил оставить «княжение свое», постригся в монахи и передал Черную Русь князю Роману Даниловичу: он дал ему «Новгородок от Миндовга», а Слоним, Волковыск «и все города от себе». Нам не известна причина такой щедрости Войшелка, но, вероятнее всего, Литва вновь оказалась в критическом положении. Нам неясны и условия, на которых галицко-волинский князь получил Черную Русь: возможно, Роман Данилович владел ею на правах вассала великого князя Литовского, возможно, Новгородская земля отдавалась галицко-волинским князьям как военная добыча. Впрочем, это не столь существенно, так как власть галицко-волинских князей над Черной Русью длилась недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.